

*Слово пред отпеванием тела митрополита Флавиана, произнесенное
9 ноября 1915 года высокопреосвященным синодальным членом,
Антонием, архиепископом Харьковским и Ахтырским*

Итак, окончена последняя литургия в телесном присутствии нашего владыки, и мы приступаем к чину отпевания, чину умирительному и продолжительному. Потому наше человеческое поучение должно быть кратким среди пространных молитвословий, внушенных Божественным Духом нашими отцами церкви.

Чуждый всякой светскости и лишенный возможности тратить свое труженическое время на прием и посещение светских людей, усопший архипастырь тем не менее стяжал самое искреннее уважение представителей общества во всех возглавлявших им епархиях.

Все монахи чтили и любили преосвященного Флавиана, а монахи Киево-Печерские прямо таки его обожали, и такую любовью братии не пользовался в Киеве ни один митрополит. Причиной сему восторженному чувству была, во-первых, простота и ласка владыки ко всякому монаху и послушнику, а, во-вторых, то обстоятельство, что он большую часть своих весьма обильных доходов возвращал святой Лавре, устроив в ней на свои средства обширный Благовещенский храм, огромную библиотеку, больницу с церковью, больничную церковь для приписной Китаевской пустыни и, наконец, пожертвовал **Лавре свою собственную драгоценную библиотеку**. Братия восхищалась этими дарами главным образом потому, что усматривала в них признание митрополитом того громадного просветительного значения, которое имеет для народа всякая благоустроенная обитель, как училище молитвы и благочестных подвигов.

Покойный владыка приобрел на земле то, чего не искал, стараясь собирать только небесные сокровища; не ища приобретал то, чего тщетно ищут другие. Чем это объяснить? А тем, что люди сближаются только там, где между ними Бог; ища Бога и обретешь Его, обретаешь с ним и людей – вот тот краткий, но высокоценный урок, который дает нам жизнь и

деятельность усопшего архипастыря. Замкнутый в себе уединенный монах, он оказался столь дорогим для всех кругов общества [1].

***Речь, произнесенная во время панихиды 9 ноября 1915 г. ректором
Таврической духовной семинарии архимандритом Иринархом***

Следует ли удивляться, что весть о твоей светлой блаженной кончине всколыхнула жизненную волну церковную, приковала к себе внимание православных сынов России? Все поняли и безмолвно согласились, что ушел с земного поприща великий муж, ибо «в скончании человека открылись дела его» (Сир. XI, 27). Но если для всей русской церкви ты был столь дорог и велик, то сугубо любезен ты всегда был для православных сынов Тавриды. Здесь полагал ты начало своего служебного поприща, на благо ея (Тавриды) ты посвятил пять своих лучших молодых годов. Вот Таврическая духовная семинария, для которой ты с такою заботливостью подбирал и устраивал драгоценнейшее ея сокровище, так называемую Гурьевску библиотеку. Вот и тихая обитель Успенская, скромно приютившаяся в скалах Бахчисарайских, в коей ты двукратно настоятельствовавший и оставил по себе в сердцах иноков доселе живущую добрую память, – начальника хорошего, заботливого и “любителя иноков”. А вот и Епархиальное женское училище, где ты был инспектором и не только оставил по себе хорошую память, но и сам не забывал своих бывших учениц [2].

1. Слово пред отпеванием тела митрополита Флавиана, произнесенное 9 ноября 1915 года высокопреосвященным синодальным членом, Антонием, архиепископом Харьковским и Ахтырским // Киевские епархиальные ведомости. – 1915. – № 46–48. – С. 1088–1094.
2. Речь, произнесенная во время панихиды 9 ноября 1915 г. ректором Таврической духовной семинарии архимандритом Иринархом // Киевские епархиальные ведомости. – 1915. – № 46–48. – С. 1116–1119.